

Виктор
ОВЧИННИКОВ
г. Белгород

... ЧТО ВИДИШЬ? ..

Виктор Овчинников завершил работу над книгой «... Что видишь?..», с главой из которой мы знакомим наших читателей. Как говорит сам автор, «Книга – попытка словом нарисовать картину «О нас и России». И хотя в центре события, связанные с официальным открытием памятника А. С. Пушкину весны-лета 1880 года, все же главное для автора поразмышлять, а не является ли неким заблуждением попытка все время искать ответы на вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?». Может быть, иногда надо и задавать вопрос, сформулированный Жуковским в момент смерти Пушкина, – «... Что видишь?..».

Глава заключительная

Все мазки складываются и выражают весь процесс создания картины

Обычно самое трудное для архивариуса – не поставить раньше времени точку.

Не раз случалось так, что самое важное, проясняющее многое, обнаруживалось непроизвольно, без всякой связи с предыдущими поисками.

Архивариус и сам не раз перечитал мысли великих русских писателей и философов об Александре Сергеевиче Пушкине.

Вот, например, в известной речи И. С. Тургенева 7 июня 1880 года важным для него стал вовсе не тургеневский вопрос «может ли он (Пушкин) называться поэтом национальным, в смысле Шекспира, Гете...», а спокойное и мудрое утверждение: «...Пушкин сам был великолепный русский художник. Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа...»

А речь Ф. М. Достоевского (очерк «Пушкин») за-

интересовала архивариуса не тем, что вызвала исторический русский спор о Пушкине как о самом великом русском поэте, не столкновениями в вопросах об отношении России и Европы, не размышлениями о любви человека к человеку и человечеству, а вот этой находкой Достоевского в оценке творчества поэта: «...Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубину нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с историческою судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел перед нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят как изваянные...»

Архивариус давно пришел к убеждению, что в конце концов на все воля Божья.

И слова великого русского философа И.А. Ильина лучшее подтверждение той любви, которой Господь Бог милостиво окружил Александра Сергеевича Пушкина:

«...Не для того сходимся мы, чтобы «вспомнить» или «помянуть» Пушкина, так, как если бы бывали времена забвения и утраты... Но для того, чтобы засвидетельствовать и себе, и ему, чей светлый дух незримо присутствует здесь своим сиянием, – что все, что он создал прекрасного, вошло в самую сущность русской души и живет в каждом из нас; что мы неотрывны от него так, как он неотривен от России; что мы проверяем себя его видением и его суждениями; что мы по нему учимся видеть Россию, постигать ее сущность и ее судьбы; что мы бываем счастливы, когда можем подумать его мыслями и выразить свои чувства его словами; что его творения стали лучшей школой русского художества и русского духа; что вещи слова, прозвучавшие 50 лет тому назад «Пушкин – наше все», верны и ныне и не угаснут в круговращении времен и событий...»

После всего сказанного о Пушкине в прошлом за почти два века после его смерти не угасла плодотворность исследователей и советского, и постсоветского времени. В изучении жизненного пути по-

эта, его творческого наследия сделано очень много. Особенно плодотворно самыми разными институтами «пушкинской исследовательской инфраструктуры» – институтами, музеями, центрами, библиотеками, учеными, писателями, краеведами.

Часто в трудах пушкиноведов было много политики, меньше главного – той России, которую он для нас сохранил.

При том забывалось, что Пушкин и весь русский народ, а не только рабочие и беднейшие крестьяне, единое целое.

В период советского атеизма исследователи проходили мимо глубоких слов митрополита Московского и Коломенского Макария, произнесенных после литургии 6 июня 1880 года в верхней церкви собора Страстной иконы Божией Матери Страстного монастыря: «Мы чествуем не только величайшего нашего поэта, но и поэта нашего народного, каким явился он если не во всех, то в лучших своих произведениях... Он глубоко проникся русским духом и все воспринятое им от русского народа, перетворив своим гениальным умом, воплотил и передал тому же народу в сладкозвучных песнях своей лиры...»

Некоторые авторы советской эпохи дописались до того, что Пушкин был чуть ли не рабоче-крестьянский большевистский поэт, предвестник пролетарских революций, идеолог революционного переворота... Книг и статей с такими перлами множество.

Нынче стали появляться книги, в которых на сотнях страниц исследуется какая-то пушкинская строка, пушкинская эпитафия, пушкинский поцелуй... Желтая пресса пребывает в поисках «жареных фактов».

Тысячи книг о Пушкине сконцентрированы в специализированных библиотеках.

О Пушкине спорят, говорят и пишут...

Архивариус вспоминает одну учительницу русского языка и литературы, которая, отработав десятилетия в школе и вызвав любовь к А.С. Пушкину у почти всех своих учеников, любила повторять: «Вы хотите понять Россию, вы хотите увидеть ее будущее, изучайте Пушкина. Постигнете «Евгения Онегина» и тогда на многое в России и в своей греховой жизни посмотрите другими глазами!»

Архивариусу, куда там, не угнаться за мыслью исследователей, не обозреть многообразие и неисчислимость трудов о Пушкине. Да и не его занятие писать. Вот, скажем, что-то обнаружить неведомое – другое дело. Тогда и картина «О нас и России» будет в конце концов написана, последним мазком украсится.

...В один из дней случилось чудо. В обычной

канцелярской папке, обнаруженной в дюжине мешков школьного архива, переданного уже и неизвестно кем архивариусу, он обнаружил безымянную рукопись. Текст был написан в обычной тетрадке для прописей, почти идеальным каллиграфическим женским почерком, без единой помарки.

Поначалу, после знакомства с содержанием текста, у архивариуса возникло желание спрятать и никому не показывать находку. Но затем он от первоначального плана отказался и предложил автору книги-картины ее опубликовать целиком, посчитав ее последним мазком на полотне «О нас и России».

Что ж, автор книги не без волнения и трепета желание архивариуса исполняет и публикует рукопись без изменений...

«... В сельской школе, – повествует автор рукописи, – где мне пришлось работать по распределению после окончания факультета иностранных языков пединститута, продолжала преподавать старенькая, щупленькая, одетая вся с иголки, похожая скорее на светскую знатную даму, чем на рядового педагога, учительница русского языка и литературы, по возрасту давно уже вышедшая на пенсию, но продолжающая трудиться из-за кадрового голода на сельских учителей.

В эту школу, четвертую по счету в своей педагогической биографии, она перевелась семь лет назад из другой сельской малокомплектной школы, которую как неперспективную закрыли. А до того она трудилась еще в двух школах, и только сельских.

В первый же день как я, вчерашняя студентка, появилась в школе, она поинтересовалась, у кого я собираюсь снимать угол. Узнав, что мои надежды связаны с заботами директора школы – математички, эта добрая женщина пригласила жить к себе – в просторном доме, который она снимала у молодой семьи, перебравшейся в город – районный центр.

Первый год моего педагогического крещения пролетел быстро. Но главным его итогом был для меня не начальный, очень важный педагогический опыт, а то, что я воспитанница детского дома, никогда не знавшая, что такое материнская ласка, подлинная культура, наконец каково истинное призвание русской женщины, обрела в одном лице и бабушку, и маму, православную, умную, добрую, высокоинтеллигентную женщину. Она очень быстро меня научила многому, что в те времена считалось для советской девушки необязательным. Она научила меня следить за собой, научила заново читать и писать, наконец ощущать себя женственной, загадочной и привлекательной. Од-

ним словом, раньше, образно говоря, я ела руками, а теперь кушала с помощью ложки, вилки и ножа. Она научила меня готовить, вязать, шить, вышивать. Но главное, молиться Господу.

И я вскоре, так мне самой казалось, стала похожа на Татьяну Ларину из «Евгения Онегина», нежели на ту брошенную родителями «Читу» из детского дома – грозу и ребят и девочек, большую педагогическую проблему для воспитателей, которые почти ежедневно, показывая мне рукой на женскую колонию, раскинувшуюся на окраине города, по соседству с детским домом, говорили, что в скором времени там и будет мое очередное место «хождения по мукам» в советской стране.

Но все произошло иначе. Что-то во мне проснулось в середине девятого класса, когда на спор выучила наизусть «Евгения Онегина». Я зачитывалась Пушкиным. Он и стал в старших классах в одном лице моими папой и мамой. Девятый класс я закончила с одной четверкой, а в конце десятого почти свободно говорила по-французски, сносно по-английски и на школьную пятерку по-немецки. Затем поступила на иняз пединститута и, как все выпускницы, у которых не было «мохнатой руки», как тогда говаривали, была распределена в сельскую школу.

Моя названная мама-бабушка ничего не скрывала от меня, но рассказывала о своей жизни урывками, неспешно, чтобы, как ей казалось, я ее могла правильно понять...

Обо всем интимном, женском, о любви, может, когда-нибудь и расскажу...

И вот теперь, годы спустя, когда я уже сама мама, а душа моей мамочки на небесах, пишу историю ее жизни. Может, она кому-то и пригодится. А главное – будет сохранена память об удивительном человеке...

Родилась моя мама в Москве, в год столетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, в 1899 году. Родители дали ей имя Александра.

Отца ее звали Сергеем Ивановичем Пушкиным. Принадлежал он к обедневшей ветви когда-то весьма плодовитого дворянского рода воевод Пушкиных, чьи родственные связи с родом великого поэта никак не пересекались. Получив юридическое образование в Москве, Сергей Иванович, как и его два старших брата, служил по делам губернского земства, инспектировал растущие как грибы земские школы.

Мать – Анастасия Михайловна – была дочерью священника храма, который находился неподалеку от Страстного девичьего монастыря в Москве. Священник Михаил Николаевич Хаустов был участником самых важных московских событий

своего времени. Больше всего он гордился участием в службах по поводу коронаций императоров на площади Страстного монастыря. Мама Анастасии – Анна Васильевна – полностью посвятила себя семье, воспитав четырех сыновей и шестерых дочерей. Настенька была самой младшей среди братьев и сестер.

Преуспев в учебе в одной из московских гимназий, по доброй воле отца Анастасия уехала к тетке в Петербург, где окончила словесный факультет. Воротившись в Москву, стала преподавать в учительском институте историю филологии.

В 1880 году Сергею Пушкину исполнилось двадцать два года, а Анастасии Хаустовой – двадцать лет.

Видимо, во всем есть Божественное провидение.

Молодые люди выросли в семьях, в которых боготворили чтение, справедливо считая главным богатством семейные библиотеки. Среди сотен книг были самые-самые, которые можно с современных позиций отнести к духовной литературе. Книжки в дорогах и дешевых переплетках с произведениями А.С. Пушкина естественно пребывали на полках рядом с Евангелиями, Библиями, а у Хаустовых и с разнообразной богослужбной литературой.

Естественным образом любовь к Богу привела молодых людей на Страстную площадь, к церквям Страстного монастыря. Сергей часто пребывал в глубоких раздумьях у захоронений великих русских людей, погребенных на территории монастыря, а Анастасия после утренней службы любила наблюдать за трудами монахинь и восторгалась их заботливым отношением к больным и немощным.

И Сергей, и Анастасия часто прогуливались по Тверскому бульвару, но взором до некоторых пор ни разу не встречались.

Любовь к А.С. Пушкину привела молодых людей 6 июня 1880 года на Страстную площадь, где предстояло открытие памятника А.С. Пушкину. Благодаря участию отца Ивана Николаевича в организации приема земских deputаций 5 июня 1880 года Сергей получил доступ в верхнюю церковь пятиглавого собора 6 июня 1880 года на Божественную литургию. Анастасия оказалась в церкви, следуя за отцом-священником, который в числе прочего московского духовенства в этот день сослужил митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию.

Во время произношения митрополитом Макарием своего Слова о Пушкине по окончании Божественной литургии и встретились впервые взгляды Сергея и Анастасии. С того мига и до са-

мой смерти, которая настигла их в ноябре 1917 года, они уже не расставались. На протяжении почти сорокалетней совместной жизни они в самые трудные минуты обращали свой взор туда, в прошлое, к теплым словам-призыву к молодой патриотичной России митрополита Макария: «Сыны России! ...Да посылает Господь еще и еще гениальных людей, и великих деятелей, не на литературном только, но и на всех поприщах общественного и государственного служения!..»

И Сергей Иванович, и Анастасия Михайловна эти слова стали считать своим семейным девизом и понимали его как вдохновенный труд во имя людей, с Богом в душе, чистыми помыслами, с бережным отношением к Отечеству, таким, какое отношение к России было у Александра Сергеевича Пушкина...

Александра Сергеевна Пушкина родилась поздно, уже когда ее родители и не надеялись на появление ребенка, ровно через девятнадцать лет после венчания и трагической гибели первенца. В семье дочку боготворили и ласково называли «наш Александр Сергеевич Пушкин».

Будучи людьми образованными, воспитанными, культурными, православными, и Сергей Иванович, и Анастасия Михайловна не замыкались в кругу интересов своей службы и семьи. Проживая постоянно в старой столице России – Москве, были охочи до того, чтобы знать об обществе, в котором живут, как можно больше.

Но вот что следует заметить: на любой жизненный вопрос они старались найти ответ с позиций Боголюбия и Человеколюбия, при том считая, что надо без усталости и скорбей трудиться во благо Отечества. Они видели себя молоденькими веточками на родовом древе и не впадали в гордыню, чтобы поучать тысячелетние корни и ствол пращуров, при том уважительно относились к родительскому наследию, даже если в нем были и «темные пятна».

Их пугало то, что все отчетливее проявлялось в обществе, уходящем от России крестьянской и движущейся к России торговой, промышленной: нежелание применять свой талант во благо Отечества и народа, безудержное стремление небольшого числа людей высших сословий все перестроить в России на западный манер. Им не нравилось, что русские люди стыдятся своего прошлого, чуть разбогатевав, выезжают в Европу и там проматывают не только свои накопления, но и родительское наследство.

Как люди, разносторонне образованные и воспитанные в православном духе, они подмечали, что такие революционные бунтарские враждеб-

ные настроения в обществе к добру не ведут. А потому все силы свои они без устали отдавали во благо возрастания образования простого народа. Не изменяли главному убеждению, что образованный и воспитанный русский человек никогда за топор не возьмется. Поэтому искренне служили каждый своему делу: Сергей Иванович – земству и общине, а Анастасия Михайловна – педагогическому институту и подготовке учительских кадров.

Бомбистов, анархистов, революционеров, депутатов «без стыда и совести», лидеров «разношерстных партий» они искренне боялись. Эти люди, по их мнению, имели хорошее образование, но их должным образом не воспитали ни семья, ни общество, ни государство.

– Может ли должным образом воспитанный человек не понимать, что невозможно добиться добра с помощью зла? – спрашивал жену Сергей Иванович...

– Может ли истинно православный человек желать зла ближнему? – поддерживала мужа Анастасия Михайловна...

И Сергей Иванович, и Анастасия Михайловна видели, что рост промышленного производства, экономический подъем России, размах торговли неизбежно меняет не только структуру сословий, но и, что самое главное, происходит разлом в душах людей: разворачивающийся конвейер в народном образовании массовой подготовки людей к жизни успевает их только кое-как образовывать, но не воспитывает и не одухотворяет. И потому эти «новые образованные молодые люди» начинают с ходу, не сумняшась, заявлять, что «они – боги» и способны разрушить существующий мир до основания и построить новый, более совершенный, при том полностью отвергнув наследие «негодного» прошлого «отцов».

Пушкиных пугала особым образом понимаемая молодежью свобода, которая по сути была сродни безответственности, безбожию, человеконенавистничеству.

Опасения Сергея Ивановича и Анастасии Михайловны оказались не напрасными. В конце ноября 1917 года, когда все еще было трудно понять, к чему же в конце концов приведет отречение царя от престола и попытка построить русскую Красную Коммуну, по ложному доносу в круговерти «большевистского террора» они были обвинены в связях с контрреволюционерами и без суда и следствия расстреляны. Правда, месяц спустя сослуживцы Сергея Михайловича, по земскому строительству перешедшие на службу к большевикам в ЧК, установили, что вины супругов не было никакой – они лишь, как и прежде, посещали воскрес-

ные службы в соборе Страстного монастыря, который кем-то опять же ошибочно был причислен к месту пребывания каких-то заговорщиков. В ошибке разобрались, но исправить ничего уже было нельзя. Благо, дочь – восемнадцатилетнюю Александру Сергеевну – расстрелять не сподобились, по каким-то причинам казнь откладывали, а потом из казематов и пыточных ЧК выпустили.

Единственный, кто еще оставался в живых из самых близких – дед священник Михаил Николаевич Хаустов – упросил монахинь Страстного монастыря приютить на несколько дней внучку, а той запретил возвращаться домой. Александра, к тому времени отучившись два года из четырех на историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов, отказалась продолжать обучение дальше после того, как курсы были реорганизованы во 2-й Московский государственный университет и в нем стали заправлять партийцы-большевики и воинствующие молодые безбожники, положившие в дальнейшем начало комсомольским ячейкам.

– Послушай деда, Александра, уезжай куда глаза глядят, голубь ты мой сизокрылый, ангел небесный, – умолял внучку старый священник. – Если большевики с Лениным у власти удержатся, а оно, видимо, так и будет, то от тебя не отстают, все одно сгноят или перекуют. От Бога ты не отступишься, а значит, антихристы казнят тебя, как святую Анастасию Узорешительницу, распнут безжалостно и сожгут. Ты молодая, красивая, умная девушка. Почитай уже учительница. Господь все устроит, убережет, если и сама правильно свободой своей воспользуешься. Поезжай в Оскол, к Карагодиным. Сестры учительствуют в двух уездах и тебя пристроят. Они никому не расскажут о родителях, о твоей беде. Глядишь, и затеряешься. А там, Бог даст, все как-то в России образуется. И не таких монголов Святая Русь на колени поставила, в православную веру обратила, то ж будет и с большевиками. Мне того уж не зреть, а ты доживешь!

На том и порешили. Александра с бедной авоськой да дарами монахинь отправилась в Оскол, поначалу в Старый. Добиралась долго.

В Старом Осколе творилось несусветное – безвластие, беззаконие. А народу – тьма. На юг, под охрану Белой армии, от большевиков, казались, бежали все жители обеих столиц.

Усадьбу Карагодиных крестьяне сожгли еще в декабре 1917 года, а потому семейство проживало в небольшом каменном доме в центре города. Карагодины никак не могли смириться с тем, что крестьяне, детей которых они учили и воспитыва-

ли, сожгли не только усадьбу, но и ценнейшую библиотеку. Один крестьянин, одуревший от самогона, бегал среди толпы, держа в одной руке большой том – собрание сочинений А.С. Пушкина, а в другой – икону Спасителя. Тыкал ими в морды таким же пьяным односельчанам, смеялся каким-то бесовским смехом. А потом подбежал к костру и бросил в него и том поэта, и икону Спасителя...

Рассказывая мне этот случай, Александра Сергеевна вспомнила, как однажды, в 1911 году, когда умер известный историк В.О. Ключевский, ее родители и гости, вспомнив его добрым словом, страстно обсуждали речь ученого, произнесенную 6 июня 1880 года в стенах Московского университета в связи с открытием памятника А.С.Пушкину.

Один из друзей Сергея Ивановича пугал всех собравшихся новым крестьянским бунтом, доказывал, что меры П.А. Столыпина по наведению порядка в деревне временные и крестьяне не успокоятся до тех пор, пока не отберут у помещиков землю, что всем надобно читать «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина и его «Историю Пугачевского бунта», чему и уделил в старые времена должное внимание в своей речи В.О. Ключевский.

Сергей Иванович и Анастасия Михайловна тоже ссылались на В.О.Ключевского, напоминая его слова о том, что отцы и дети нынче так непохожи друг на друга, но они все-таки отцы и дети и смогут полюбовно договориться.

Гости же Пушкиных упорно не соглашались с этим их доводом, приводя множество примеров, когда дети предавали отцов, брат шел на брата, а пролитая невинная кровь развязывала людям руки, освобождала от веры и совести, а нынче многие дети стали террористами и убийцами, восстали против закона и царя, за границей готовят переворот. И это дети не крестьян и рабочих, а дворян, учителей, земцев, священников.

Несмотря на то что тогда в 1911 году Александре Сергеевне было всего 12 лет, она тот спор запомнила и, уже обучаясь на женских курсах, осенью 1916 года разыскала речь В.О. Ключевского и внимательно прочитала. Она ей не понравилась. Ей было очевидно, что знаменитый историк оказался далеко не прав, утверждая, что Пушкин – представитель исчезнувшего порядка идей, что он выразительный образ известной эпохи, то есть 1820–1830-х гг. Молодой курсистке представлялось, что Пушкин ее современник, что он как никто видит трагедию, которая разыгрывается в России, что он правильно угадал ее причины и пророчески предсказал последствия разгорающегося русского бунта...

Дороговизна продуктов гнала дворян и мещан Старого Оскола в деревни. Лишний рот было не прокормить. А потому Карагодины сразу же переправили Александру в Новый Оскол, где долгие годы начальницей женской гимназии служила близкая их родственница – Надежда Ивановна Карагодина.

Гимназия до революции носила имя Ее Высочества княжны Ольги Николаевны Романовой, ею окормлялась и в народе прозывалась «Ольгинской гимназией».

В 1918 году семья императора Николая Второго была расстреляна большевиками, а гимназия согласно положению ВЦИК о единой трудовой школе была реорганизована в Новооскольскую единую трудовую школу второй ступени.

Надежда Ивановна и ее сестра Софья Ивановна были освобождены от должностей, стали рядовыми учителями: Надежда Ивановна в бывшей гимназии, Софья Ивановна перебралась в пригород в начальную школу.

Они сначала и приютили Александру, а затем, выслушав рассказ девушки о гибели родителей и пребывании в казематах ЧК, поспособствовали ее трудоустройству в одной из отдаленных школ уезда, в Чернянской волости.

В тот период уездным школьным отделом ведал их хороший знакомый партиец, из левых эсеров. Он и выписал Александре Сергеевне Пушкиной бумагу с назначением в начальную школу.

В селе, расположенном рядом с местечком Остров, где все еще сохранялись усадьба князей Касаткиных-Ростовских, земская школа и фельдшерский пункт, несколько раз менялась власть. Коммуны приезда Александры в волостном центре заправляли красные.

Председатель волостного комитета, из крестьян, сам проживавший недалеко от школы и имевший шестерых школьного возраста детей, молодой учительнице обрадовался. Бумагу из уезда долго вертел в руках, добросовестно прочитал, а потом отдал девушке ключи от школы.

– Это таво, если что надо, обращайся. Подсоблю. Дров в сарае полно, заготовили с осени. Учить-то деток надо, особливо надо будет, как добьем этих кровопивцев-барев, – прохрипел председатель. – А как нас того, вдруг белые погонят, беги куда глаза глядят. Ты теперь наша, на Советы работаешь. Могут и повесить, а то и того хуже, издеваться будут. Ты девка видная. Поняла?

Александра, ничего не говоря, кивнула головой и направилась по узкой дорожке, пробитой санями да телегами к школе. Ноябрь выдался холодный, снежный.

По дороге завернула к усадьбе Касаткиных-Ростовских. Застала там княгиню и дочь. Говорить с ними Александре Карагодины запретили.

– Передашь записку, – наказывала Надежда Ивановна, – на том и распрощайся.

Александра передала записку и пошла дальше, в сторону от Острова к школе.

Занятия для детей с сентября 1918 года не проводились по причине того, что в один из налетов красноармейского отряда, состоявшего из местных крестьян, командира-литовца и комиссара-поляка, местный учитель, мужчина лет шестидесяти, который учительствовал в этих местах более тридцати лет, был обвинен в пособничестве белым и расстрелян.

Школа была одноэтажная, каменная, построенная земством в 1880-е годы. В ней было два класса, с дубовыми лавками, подсобное помещение с печью и квартира из двух крохотных комнаток для учителя. Печь сделана была с русской смекалкой так, что отапливала по одной стене двух классов и квартирку учителя. Рядом со школой сарай, забытый дровами под завязку, а по соседству погреб. Он был пуст, холоден, одним словом, мертвый ледник.

Александра, не раздеваясь, затопила печь, согрелась. Непонятно почему пришли в голову пушкинские строки, и девушка их тихо прочитала на память:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

*Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:*

*Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.*

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

И тут же горько заплакала, вспомнив расстрелянных родителей, льющего слезы у Страстного монастыря деда, священника Михаила Николаевича, тысячи людей на вокзалах, в отчаянье мечущихся между красными и белыми...

Потом убиралась, мыла полы, вытирала пыль, наводила порядок в классах.

Так незаметно прошло часа два-три. К вечеру ее навели две женщины – жена председателя волостного комитета и ее сестра. Очень уж похожи. Принесли с собой большой узел – перину, набитую соломой, пару стеганых одеял и овчинный драный тулуп. Да малый узелок, поснедаты на ночь.

– Село наше не бедное, Ляксандра. Так-то тебя муж наказал кликать, – начала разговор председателя. – Хозяева-князья, грех жаловаться, люди православные, добрые. И земли всем хватало. И почто царя убили? Вот теперь мой Никитка должен стоять за какого-то Ленина, а тот, говорят, сам черт неверующий и прислал литовца и поляка. У нас говорят, что будто смуту, как прежде, будут эти литовцы да поляки по наущению германца наводить. А нашим пьянчужкам и шалопаям дай покуролесить, они вооружились и в банду. Какой они отряд – самогон хлебают, девок насилюют, грабят. А нам что, подчинись. Моего Никитку так и самого в красного черта окрестили. Вывели во двор полуголых – его, да меня, да сестру, она у меня немая, да шестерых мальцов. И говорят эти самые посполиты-католики: ну что, Никитка, ты тут самый главный, народ тебя слушает. В светлое будущее с нами шагать будешь или в могилу за помещиками-кровопийцами поспешишь? Вот мой Никитка и рассудил, черт с ними, как-нибудь переживем. Вот и мается. Думает одно, а брешет другое. Я слышала, он и тебе про борьбу с барями толковал. Да сам в то не верует. Он добрый, богобоязненный, скорее сам сдохнет, чем человека тронет. Уже вот два раза белые приходили, да каждый раз княгиня Надежда Карловна уговаривала тех не трогать крестьян. Хоть мы и не ее давно, но она нас любит и за своих родных почитает. – Баба помолчала, подумала, а потом добавила: – Ты, Ляксандра, не тараци на меня свои небесные глаза. У княгини была я час тому назад, она мне о тебе заботиться велела, сказала, что ты сирота, теперь моей как бы названной дочкой будешь. Поняла, что ль? Я княгиню почитаю как родителей моих незабвенных, потому и послушание ее исполню.

Александра стояла молча, слушала, все еще про себя продолжая раз за разом повторять пушкинское стихотворение будто молитву.

– Ну и ладненько, вот и хорошо, – подытожила свои рассуждения председательша. – Меня все кликают Матрена Ивановна. И ты так кликай. Заслужу, кликай мамой, не убудет! Еду-то себе не готовь, не учительское то дело. На первое время вот еда в авоське. С голоду не помрешь до утра. А де-

тей завтра набегит душ до ста, не вздохнешь с ними. Они до знаний охочи, особо любят сказки Пушкина. Прежний учитель, как что, так давай Пушкина им читать, как что, так березовой кашей попугивал тех, кто этого Пушкина не заучивал на память. Наши детки того, знанием Пушкина тебя порадуют, Ляксандра, Сергия дочь Пушкина! Эхма, вот нам повезло с Пушкиным! И детки рады, уже везде трезвонят: «К нам Пушкин приехал!» Вот сорванцы! Еду будут носить тебе с радостью, по очереди. Приучены еще при прежнем учителе. И за что погубили невинную душу? И все ж учителю старорежимному хоть расстрел присудили, а батюшку нашего родимого мучили, все допытывались, где офицеры, корниловцы какие-то, скрываются, где золото да серебро припрятал. А что у монаха-то этого было, кроме Псалтыря? А потом веревкой удушили сердобольного, кинули тело бездыханное в деревянную церквушку да и подождгли. А всем этим двое столичных и верховодят. Сейчас они с отрядом по другим волостям шныряют, да уж не раз порывались княгиню с дочкой расстрелять, да мы не даем, говорим: жгите тогда всех нас вместе, и пока живы, старую княгиню на казнь не отдадим. И вот еще что, – успокоившись, сказала Матрена Ивановна, – платить за твое учительское дело будем как при царе-мученике. Того ведь тоже с семьей иноверцы погубили... Только пока натурой. Деньги нынче разные, большие, красивые, да толку с них никакого, никто их в руки брать не желает. И еще. Ты словно пава, сразу видно, птица городская, а то и столичная. Почитай княгине по посадке не уступишь! Оборотись в мешанку, тряпок крестьянских дадим, они у нас не хуже дворянские. Тем и спасешься от злых глаз. Они все время трезвонят, что Ленин даровал свободу любви, что, мол, всех будут развенчивать и все теперь имущество и бабы будут общие. В коммуне, мол, всем будет радостно!

После этих слов женщины с минуту постояли, окинули одобрительным взглядом в порядок приведенные Александрой классы, потоптались и без дальнейших разговоров отправились восвояси, оставили Александру в одиночестве со своими мыслями.

На следующий день начались рядовые учительские будни.

Александра Сергеевна, еще будучи курсисткой второго года обучения, преподавала, подменяла маму, когда та была больна или вынуждена была сопровождать отца в поездках по губернии.

Практика пригодилась. Уроки ей удавались, и она не чувствовала неловкости в классах. Сельские дети были любознательные, усидчивые, сте-

пенные. И община, и родители, и особенно старики вожжи воспитания держали крепко.

Дети же теперь ходили не просто в школу, она для них стала одновременно и церковью взамен сожженной, а учительница была еще и за батюшку. Только вот не литургию служила, не молитвы читала, а произведения А.С. Пушкина – на память и по книгам убиенного учителя. А в его библиотеке, которую сберегла Матрена Ивановна, кроме дюжины томиков сочинений А.С. Пушкина, других авторов не значилось.

В один из дней занятия в школе председатель Никита Павлович отменил. Детей приказал всех запереть по хатам...

Не по своей воле, а по требованию курьера-красноармейца, бывшего пропойцы и лодыря Тихона по кличке Тра-та-та. А прозвали Тихона так за несуразную болтовню и бессмысленную матерщину.

К полудню, как и сообщил курьер, в село, словно вихрь, ворвался отряд. Крестьяне на худеньких лошаденках, кто в шинелях, кто в тулупчиках, с красными кусками материи на рваных шапках, разъехали по домам, к женам и детям, а командиры – литовец и поляк – вызвали на допрос в штаб – бывший ямской двор – старую княгиню Надежду Карловну и ее дочь Софью. О чем их допрашивали, так никто и не узнал, только к вечеру вся банда-отряд стеклась к дому княгини и провела обыск в усадьбе – двухэтажном деревянном доме и хозяйственных постройках. В потаенной комнате был обнаружен больной, убогий сын княгини – Николай.

Селян к усадьбе не подпустили, выставили две тачанки и по несколько раз прошли пулями воздух над головами «островитян».

Красные командиры Крейсис и Зембловский безосновательно и бездоказательно обвинили еле стоящего на ногах больного мужчину в связях с братом, одним из «главных» белогвардейцев – князем Федором Николаевичем Касаткиным-Ростовским.

Пока во дворе шло разбирательство и самосуд над князем Николаем, пьяные, одуревшие от жажды наживы красноармейцы в княжеском доме по очереди насильовали старую княгиню и ее дочь.

Через час их, избитых, униженных и оскорбленных, всех с головы до ног в крови, выволокли во двор усадьбы. Тут же раздели всех троих догола, застрелили и по очереди повесили кверху ногами на одну из старых лип аллеи, которую еще более полвека назад посадил старый князь – герой Отечественной войны 1812 года, а ухаживал за ней его сын, ветеран русско-турецких войн, муж княгини – Николай Федорович Касаткин-Ростовский, который умер в 1908 году.

Потом командиры в качестве награды крестьянам-красноармейцам отдали приказ на разграбление дома старой княгини и уже глубокой ночью обчищенную до последней нитки усадьбу – «белогвардейский штаб» – подожгли.

У костра, рвущегося к небесам, в морозную ночь «грелись» и плакали односельчане.

Было что-то сатанинское в этой жуткой картине. Три покачивающихся голых тела русских православных людей на огромной ветви липы то вспыхивали кровавой белизной замерзающих тел с появлением луны, то в кромешной темноте, когда черные облака застилали месяц, исчезали. И тут же чуть поодаль лежало разбросанное имущество, уже поделенное между собой красноармейцами – творцами нового мира, будто Риза Христа, разодранная и поделенная убиенными его римскими воинами, и дальше где попало никому не нужные книги из княжеской библиотеки, разодранные так, словно в них кто-то что-то искал...

Александра пряталась за Матрену Ивановну и ее немую сестру. Молодую учительницу всю трясло, будто наступил приступ лихорадки.

В эти минуты она вспомнила стихи из сборника «С войны» сына только что казненной княгини и брата с нею рядом болтающихся на веревках дочери и сына.

Русский поэт, офицер, князь Федор Николаевич Касаткин-Ростовский был широко известен, и московское студенчество зачитывалось его стихами, написанными на войне с германцем. Губы Александры без усталости шептали многократно одно и то же:

*... И чудится, что там, ужасный и огромный
Кровавый ходит зверь, исполненный вражды.
Ревет и мечется, все злобно разрывая,
Безумьем каждая горит его черта,
И кротко на него, грехи людей прощая,
Глядит скорбящий взгляд распятого Христа...*

И все это, написанное русским поэтом, оказалось пророческим. Теперь страшнее любого зверя были сами русские люди.

Поутру банда-отряд унеслась в неизвестном направлении...

Никита Павлович, вдрызг пьяный, выставил охрану у разгромленной усадьбы, вместе с мужиками снял убиенных. Матрена Ивановна с бабами занялась обычным делом, похоронами. Александру гнала в шею, но та не уходила.

Старую княгиню и ее детей обмыли, одели в незамысловатую крестьянскую одежду, каждому на шею повязали крестики.

У многих селян заготовленные в зиму гробы были припрятаны под навесами. Так что справились с делом быстро. Никита Павлович заплетающимся языком скомандовал, кому из селян в этот раз порадеть для общины. Отпевала вместо сожженного, загубленного батюшки Матрена Ивановна. Она также читала молитвы, вспоминая, как делала то же самое ее мать – в те времена иногда по году, а то и по два в селе священника не было.

Похоронили княгиню Надежду Карловну, княжну Софью и князя Николая неподалеку от липовой аллеи, у семейного некрополя. Помянули, как полагает, по-православному, добрым словом и скорбной трапезой.

За всем доглядывал и на похоронах, и на поминках оставшийся в селе по причине большого живота Тихон Тра-та-та.

– Ох, и не сдобровать тебе, Никита Павлович, – пугал председателя также пьяный в доску красноармеец. – Князей ублажаешь. Пускай бы повисели, все ж не жара. Хай бы постращали всех тех, кто вздумает итить против советов, против Ленина. И тебе, Матрена Ивановна, зад литовец да поляк надерут. Будешь голая да простоволосая бегать по деревне, а мы тебя как черта вожжами, вожжами. Ты поняла меня! Не суйся поперек власти народной.

– А ты помалкивай, не выдавай нас, Тихон, – благостно отвечал за себя и жену Никита Павлович. – Я ведь признаю, нынче ты власть, тебе и подчиняемся. Мы ведь и прокорм тебе и семье твоей дадим, и самогоном не обидим. Что ж тут такого? Может, мы все это проделали, чтоб заразу не разводить. Ведь можешь сказать командирам, что ты приказ такой дал, чтоб порядок мы навели. А хоронили-то князей без речей, ведь никто и доброго слова-то не сказал. И закопали-то не на кладбище общинном, а почитай в чистом поле.

Никита Павлович вытащил две четверти самогона и копченый окорок.

– Прими, Тихон. Ты власть, мы тебя уважаем, – и председатель чмокнул в щеку красноармейца.

– Ну коль так, то будь по-твоему, Никита Павлович, – возгордившись и набычившись, распорядился Тихон. – Только глядите у меня. Коль спросят: «За кого стоите?», чтоб дружно отвечали: «За советы, за Ленина!»

Обессилов, Тихон улегся на лавку и заснул. Сельчане разбрелись, а Никита Павлович всю ночь охранял сон красноармейца Тихона Тра-та-та, две четверти самогона и окорок подле лавки. От сговорчивости сельчанина теперь зависела его жизнь, жизни жены, родственников и детей.

То ли Господь услышал молитвы Матрены Ива-

новны, то ли ночные стенания Никиты Павловича, только поутру случилось чудо – в село стройной колонной вошли белые.

Одетые с иголочки пехотинцы, в основном юнцы, шли первыми. На лошадях позади гарцевали офицеры и казаки.

За первыми отрядами белых плелась колонна пленных односельчан-красноармейцев, возглавляемая литовцем и поляком.

Никита Павлович, увидев первым отряды белых, разослал всех своих домашних по селу с запретом выходить со дворов и выглядывать в окна. И тем более ликовать! В третий раз менялась власть, и некоторых белых добровольцев председатель знал в лицо. Он также знал, что и в селе затаились пролетарии, готовые теперь после разграбления усадьбы княгини поживиться добром крепких крестьян села.

Тихон по-прежнему спал на лавке. Никита Павлович разбудил его и подтолкнул к окну.

– Прячься где-нибудь, Тихон, никто тебя не выдаст, господа пришли, – поторопил перепуганного красноармейца председатель. – И не высывайся, авось все устроится.

Тихон Тра-та-та почему-то стал кланяться Никите Павловичу и причитать:

– Спаси тебя Бог, братец! Благодарствую, отец родной, – и, позабыв четверти с самогоном и окорок, огородами помчался под крыло жены.

Дознание господ было скорым. Командиры пели «Интернационал», а сельчане-красноармейцы стояли на коленях и просили пощады. Не все из тридцати членов банды, но ровно половина. Дюжину красноармейцев, поляка и литовца за селом расстреляли. Остальные записались в Белую армию, воевать за веру Православную и Святую Русь против безбожников, Ленина, Троцкого.

Белые не задержались и на день. Фронт двинулся к Москве, начались бои за Старый Оскол. Однако ж командир отряда распорядился, и полковой священник отслужил службу на углях уничтоженной усадьбы князей Касаткиных-Ростовских и на их могилах.

Уже спустя десятилетия Александре Сергеевне попались в списках стихи Федора Николаевича Касаткина-Ростовского, написанные через полгода после этих событий, о которых ему рассказали организаторы Воронежского белогвардейского подполья. И она мне их читала:

*Забыв, кто собирал ее с любовью,
Голодная, кляня свою судьбу,
Русь истекает жаркой, алой кровью,*

*Привязана к позорному столбу...
Мученьями покой ее заменен,
Дни радости сменили дни тоски...
Кровавый Троцкий и обманщик Ленин
Ей сердце режут на куски...
... Они пришли – исчадье злое ада...*

На следующий день занятий опять не проводилось. Александра помогала Матрене Ивановне и бабам хоронить сельчан. Поляка и литовца закопали за речкой Белая Халань, а своих православных – на сельском кладбище. Матери, жены, сестры, дочери голосили на всю округу, проклиная Ленина и советы.

Александра уговорила Матрену Ивановну сходить на пепелище и собрать хоть какие-то сохранившиеся книги. Удалось спасти десятка три томов подшивки журнала «Русская мысль» за разные годы. Все они пахли гарью и сохраняли следы бесовского костра.

Журнал был Александре знаком. Родители его с удовольствием читали, очень важные статьи по земской тематике обсуждали.

В подшивке за 1880 год, в номере седьмом, Александре попалась речь, произнесенная С.А. Юрьевым при открытии им публичного заседания Общества Любителей Российской Словесности. Молодая учительница знала историю открытия памятника А.С. Пушкину, так, кроме прочего, с Пушкинским праздником была связана история любви ее родителей – 7 июня был второй день их знакомства и любви с первого взгляда. Они, тогда – ровесники Александры, находились в зале Дворянского собрания и слушали речи знаменитостей.

Дурное самочувствие после пережитого позволяло только перелистывать страницы, избегая чтения. Но несколько строк ей настолько запали в душу, что она их позднее заучила на память. А когда Александра Сергеевна мне эти строки продекламировала, я поняла, что и в моей памяти они должны где-то находиться на полочке, быть всегда под рукой.

С.А. Юрьев так закончил свою речь: «Войдем в святыню храма, воздвигнутого нашим великим поэтом. Уже в преддверии этого храма слышится изнутри его голос: «*Не угашайте духа истины и красоты и действуйте, все прочее приложится: и жизнь проникается правдой, красотой оденется она и тихо, и торжественно взойдет над вами лучезарное солнце свободы просвещенной, братской любовью объемлющей все человечество. Не угашайте только духа, живущего в вас!*»

Тогда, уже поздней ночью, учительница, может быть впервые, во всей полноте осознала главное в

жизненных деяниях человека: нельзя никого сделать свободным и счастливым не иначе как любовью, правдой и красотой. Все остальное от лукавого.

Поутру школа наполнилась детским говором. Несмотря ни на что, надо было обучать сельскую детвору грамоте. Александра после всех этих трагических событий как никогда осознала, что все, что произошло, стало возможно лишь потому, что те, от кого зависело образование и воспитание народа, занимались этим из рук вон плохо. И даже ее родители – подвижники и бесребреники.

Отречение императора, убийство его и семьи, гибель миллионов людей, тех, кто за красных, тех, кто за белых, вовсе не рок, не случайность. Все это выросло из народной жизни, противоречивой и трагической. Только вот теперь великий русский дух обнаружил наибольшее свое грехопадение, пограл святыни и наследие, и потребуются многие годы, чтобы преодолеть страшную смуту, очистить русский дух от лжи и жестокости.

Александра Сергеевна искренне верила, что это не продлится столько же, сколько в истории заняло время монгольского владычества... По крайней мере, не три века. И сделала следующие пушкинские строки своим жизненным девизом: «...Гляжу вперед я без боязни...»

Эти строки воспоминаний молодой учительницы о жизни Александры Сергеевны Пушкиной оказались последними в безымянной рукописи.

Архивариус, опираясь на свой опыт, не сомневается, что, видимо, были и вторая, и третья тетради... Он их скрупулезно искал в мешках старого архива. Но обнаружить продолжение рассказа пока не удалось.

Правда, в одной из папок архивариус нашел чистую школьную тетрадь, на обложке которой тем же красивым почерком, каким были написаны воспоминания молодой учительницы, выведены четыре слова: «Александра Сергеевна Пушкина. Стихи». В тетради затерялась одна небольшая репродукция-открытка картины итальянского художника Джованни Больдини «Прогулка в парке», а на первой странице всего несколько поэтических строк:

*– Что видишь ты, поэт России,
любви и подвига певец?
– Я вижу силы молодые,
плоды трудов
России преданных сердец!
Святую Русь,
как глас мессии,
раздорам положившую конец...*

И картинку, и скупые поэтические строки архивариус так же, как и рукопись, передал для публикации автору как загадочный исторический документ печальной и красивой истории жизни Александры Сергеевны Пушкиной...

Виктор Васильевич ОВЧИННИКОВ

*родился в 1958 году в селе Скородное
Губкинского района Белгородской области.*

*Историк, общественный деятель,
кандидат исторических наук, доцент, профессор
Международного славянского университета им. Г.Р.Державина,
член-корреспондент Международной
Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения.
Автор многих историко-культурных и краеведческих работ,
а также монографий, учебников и учебных пособий,
многих статей в области праксеологии
малого предпринимательства.*

Живет в Белгороде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

